

Основные причины сохранения избыточной по сравнению с потребностями производства численности рабочих и служащих на предприятии*
(в % от общего числа опрошенных руководителей)

Причина	Сентябрь 1999 г.	Июнь 2000 г.	Июнь 2001 г.
Рассчитываем на расширение производства в ближайшее время	57	77	48
Из гуманных соображений (значительная часть уволенных не сумеет найти работу и средств к существованию)	54	62	44
Стремление сохранить трудовой коллектив	49	74	68
Отсутствие у предприятия средств на выплату выходного пособия	11	4	5
Рекомендации местных и региональных органов власти	5	15	21
Другое	5	6	1

* Сумма больше 100%, так как респондент мог дать несколько ответов.

жением объемов производства, но и отсутствием (или снижением) спроса на прежние количество и качество труда.

В июне 2001 г. 25% руководителей предприятий с избыточной численностью работников отметили, что для улучшения экономического положения на их предприятии проводится сокращение рабочих и служащих, а 41% переводит работников на режим неполной занятости, сдерживая тем самым высвобождение работников.

Что побуждает администрацию предприятий сохранять избыточную численность работников? Руководители предприятий называют три основные причины сохранения избыточной занятости: стремление сохранить трудовой коллектив (68%), ожидание в ближайшее время расширения объемов производства (48%) и гуманные мотивы (табл. 8). В июне 2001 г. 44% опрошенных руководителей промышленных предприятий опасались, что высвобожденные с их предприятия работники не сумеют найти работу и средства к существованию.

21% руководителей отмечают также, что их решение о сдерживании высвобождения избыточной численности работников обусловлено рекомендациями региональных местных органов власти. Эксперты из Минтруда России объясняют это тем, что в настоящее время уровень безработицы относится к числу основных индикаторов социально-экономического развития. Региональные и местные органы власти, особенно в периоды предвыборных кампаний, стремятся сдерживать масштабы высвобождения. Проведение такой политики удастся еще и потому, что деятельность предприятий в определенной степени зависит от местной и областной администраций. В ряде случаев предприятиям, сдерживающим массовые высвобождения, предоставляются льготы, например, в налогообложении, при уплате аренды и пр.

Отсутствие средств у предприятия на выплату выходного пособия (компенсационные выплаты) не относится к числу основных причин, сдерживающих массовые увольнения (см. табл. 8). Это объяснение приводится незначительным числом руководителей предприятий с плохим финансово-экономическим положением.

Таким образом, опросы руководителей промышленных предприятий позволили зафиксировать, что администрация продолжает использовать увольнения работников как инструмент, способствующий регулированию экономического положения предприятия. Вместе с тем устойчиво возрастает роль мер, свидетельствующих о том, что в настоящее время целью предприятий становится не просто выживание, но и обеспечение своего развития, о все большей ориентации на создание эффективных механизмов хозяйствования.

Конечно, по-прежнему значительная часть предприятий испытывает нехватку оборотных средств, имеет трудности с инвестициями, получением кредитов, на большинстве предприятий преобладает оборудование с длительным (более 10 лет) сроком действия, что в целом осложняет и замедляет процессы модернизации, структурных преобразований. Однако более высокие темпы роста избыточной численности работников, по сравнению с ухудшением финансово-экономического положения, решительный настрой руководителей на увольнение избыточных работников, снижение патерналистских настроений — все это позволяет предположить, что руководители все меньше склонны сохранять избыточную численность работников, как это было в начальный период адаптации к рыночным методам хозяйствования, что сегодня "избыточность" численности работников вызвана не только снижением спроса на рабочую силу из-за уменьшения объемов производства, но и модернизацией производства.

Валерий ХМЕЛЬКО

Макросоциальные изменения на Украине: годы независимости*

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать те преобразования, которые произошли за период независимости Украины в основных макросоциальных структурах общества. Существенные изменения были отмечены в системе производства, в структурах социальной стратификации и социальных институтов, изменилось также отношение граждан Украины к вопросу о независимости своей страны.

Изменения в макроструктуре производственной деятельности. Самые негативные из макросоциальных изменений в украинском обществе за годы независимости Украины имели место в характере общественной производственной деятельности, прежде всего в отраслевой структуре и структуре распределения общественного труда между основными секторами общественного воспроизводства.

Определить стадию, на которой находится структура общественного разделения труда в любом современном обществе, можно, как известно, путем выявления относи-

* Доклад на Международном симпозиуме "Социальная динамика в постсоветском обществе: Украина в сравнительной перспективе" (сентябрь 2001 г.).

тельной доли труда в воспроизводстве трех видов жизненных ресурсов: продуктов питания (пищевых ресурсов), материальных благ и символов (информации). Когда доля вкладываемого общественного труда в производство и воспроизводство материальных средств жизни (промышленность, строительство, ремонтные услуги и т.д.) наибольшая, а в производство и хранение пищевых ресурсов вторая по величине, тогда данная стадия макроэволюции общественного разделения труда называется *промышленно-аграрной*. Когда же доля вкладываемого общественного труда в производство и воспроизводство материальных средств жизни наибольшая, а в производство и воспроизводство информации (сферы науки, технологии, экономики, социальная сфера и т.д.) становится второй по величине, то тогда речь идет о *промышленно-информационной* стадии. И соответственно, если доля вкладываемого общественного труда в производство и воспроизводство информации наибольшая, а в производство и воспроизводство материальных благ вторая по величине, то следует говорить об *информационно-промышленной* стадии. В последнее десятилетие самые технологически развитые общества переходят от *промышленно-информационной* к *информационно-промышленной* стадии. В обществах, которые по уровню технологического развития отнесены ко второму эшелону, происходит переход от *промышленно-аграрной* к *промышленно-информационной* стадии. Большинство же обществ находятся в состоянии перехода от *аграрно-промышленной* к *промышленно-аграрной* стадии.

Согласно статистическим данным, на Украине процесс макроэволюционного изменения в общественном разделении труда представляет собой, по сути, макросоциальную *инволюцию*. Действительно, в 1990 г. доля труда в промышленности была приблизительно в 1,5 раза выше, чем в аграрном секторе (30,7 против 19,7%; соответственно 7,8 млн и 5 млн)*. В то же время в 1999 г. занятость в промышленном секторе была ниже, чем в аграрном (20,2 против 22,5%; соответственно 4,4 млн и 4,9 млн человек)**. Таким образом, прогресс, который заключался в движении от *промышленно-аграрной* к *промышленно-информационной* стадии, имевший место десятилетие назад, сменился на Украине регрессом в сторону *аграрно-промышленной* стадии, которую Украина миновала уже в середине 50-х годов прошлого века. И только в последние полтора года наблюдаются некоторые признаки перехода к *промышленно-аграрной* стадии развития.

Изменения в структуре социальных классов. Если абстрагироваться от специфики институциональной структуры украинского общества, то изменения в классовой структуре могут быть соотнесены с формированием частной собственности на средства производства: зарождение класса собственников в лице предпринимателей-работодателей и осязаемый рост категории собственников, представленной теми, кто работает не по найму, т.е. работающих на себя или рабочих-собственников.

В соответствии со статистическими данными на 1991 г., доля работодателей (тогда их называли "кооператорами") была равна 0,1% от всего занятого населения, а доля занятых собственным делом, работающих на себя, составляла приблизительно 0,5%. Согласно данным исследования, проведенного Киевским международным институтом социологии (КМИС) в мае 2001 г., доля работодателей

равнялась 3% от занятого населения, иначе говоря, она увеличилась в 30 раз, а доля занятых собственным делом, работающих на себя, была около 12%, что в 25 раз выше, по сравнению с 1991 г.*

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что классовая структура украинского общества становится все более похожей на классовую структуру, типичную для западноевропейских капиталистических стран последней четверти XX в., в которой основными социальными классами были работодатели (от 5 до 8% занятого населения), занятые собственным делом, работающие на себя (от 5 до 15%) и работающие по найму (от 80 до 89%). В свою очередь, категорию работодателей в соответствии с их позицией в структуре занятости можно разделить еще на несколько подгрупп: "руководители", "менеджеры" и "исполнители" с различным уровнем квалификации.

Однако ситуация, связанная с изменением социальнo-классовой структуры украинского общества, будет выглядеть иначе, если принять во внимание специфические черты институциональной структуры, которые сформировались за годы экономических реформ. Своеобразие новых юридических и социально-экономических отношений в постсоветской Украине предопределили два совершенно новых явления в социальнo-классовой структуре украинского общества. С одной стороны, исключительное положение в ней занимает чиновничество (правительственные чиновники и представители аппарата президента), которое еще в советское время приобрело черты макросоциального образования, став некоторым подобием социального класса. С другой стороны, сформировался совершенно новый социальный класс, который не вписывается в классическую схему классовой организации общества. Целесообразно обозначить его как класс "*полусобственников*". Этот класс представлен управляющими ресурсами в государственных или акционерных компаниях, которые могут перевести прибыль, получаемую компанией, в свою собственность, а убытки перенести на счет госбюджета или номинальных акционеров.

Изменения в институциональной макроэволюции. Понять специфику нынешней институциональной структуры будет легче, если учесть особенности бывшего советского общества, на основе которого она сформировалась. Это общество характеризовалось следующими чертами: моноцентричная, жестко централизованная иерархическая структура;

доминирование политической системы в сравнении со всеми другими социальными институтами, включая экономику;

доминирующие позиции правящей верхушки коммунистической партии в политической системе, включая все ветви государственной власти;

доминирующие позиции исполнительной власти в системе руководства, подчинение органов законодательной и судебной властей, исполнительной власти на всех уровнях.

Очевидно, что в рамках однопартийного государства исключалась сама возможность возникновения такого макросоциального образования, как гражданское общество. Последнее можно определить как комплекс неправительственных организаций, не зависящих от исполнительной власти, но зависящих от законодательной и

* Народне господарство України у 1993 році: Статистичний щорічник // Міністерство України. К.: Техніка, 1994. С. 273.

** Україна у цифрах у 1999 році: Короткий статистичний довідник // Державний комітет статистики України. К., 2000. С. 191.

* Приведенные данные взяты из архива Киевского Международного института социологии. Исследование было проведено в мае 2001 г., в выборку были включены 3553 домохозяйства (репрезентативная выборка по Украине в целом). Было проинтервьюировано 3217 респондентов, занятых трудовой деятельностью, приносящей доход. Исследование проводилось при поддержке USAID.

судебной властью, причем только в качестве законопослушных субъектов.

Как известно, господствующее положение органов коммунистической партии сохранялось благодаря исключительной прерогативе назначать и смещать руководителей любых организаций во всех социальных институтах (идеологии, политики, экономики, науки, образования, здравоохранения и т.д.). В этих условиях кадровый состав всех трех остальных управленческих систем — государство, профсоюзы и комсомол — в сущности, находились в подчиненном положении по отношению к КПСС. В то же время подбор кадров для партийной иерархии осуществлялся не только из самих членов партии, но также из рядов тех, кто занимал сходные позиции в трех других управленческих системах.

Таким образом, соперничество управленцев за продвижение вверх по иерархической лестнице шло не только между представителями каждой из систем, но также и между представителями разных систем. Простые люди могли искать защиту от деспотизма чиновников не только у тех, кто стоял непосредственно над ними, но также и у тех, кто занимал более высокие позиции в других иерархических системах. С ликвидацией господства коммунистической партии профсоюзы и комсомол также утратили свою былую власть. И только одна иерархическая система управления осталась в силе — государство со своей бесчисленной и вездесущей армией чиновников. Политические партии, средства массовой информации, разные другие организации гражданского общества, осуществляющие контроль за действиями чиновников всех уровней в демократических обществах, на Украине находятся в начальной стадии формирования. За десять лет реформ им не удалось перейти с начальной стадии на более высокую ступень развития. Данное обстоятельство играет на руку чиновникам, поскольку большинство из них получили опыт управления в тоталитарной системе и привыкли использовать зависимость судебной власти от органов исполнительной власти. В этих условиях чиновники заняли положение, при котором они были практически вне контроля со стороны любых органов власти, за исключением исполнительной. Такая свобода от контроля со стороны гражданского общества ограничивалась лишь одним обстоятельством: необходимостью согласовывать свои действия с одним институтом — *выборным институтом* президентской власти. Вот почему личность президента, особенно его моральные принципы, оказывают столь существенное влияние на характер функционирования политической власти. Такой род влияния несвойствен демократическим обществам, это было нехарактерно для них даже на начальной стадии их формирования. Причиной этому является то, что они формировались под сильным влиянием гражданского общества, роль которого лишь усиливалась с развитием рыночных отношений и распространением крупной частной собственности.

Взаимозависимость между чиновниками и законодателями, которая установилась на ранних стадиях реформ в обществе, также предполагала неравные отношения. Используя либо недостаток информации, либо зависимость законодателей первых нескольких созывов от исполнительной власти, чиновникам удалось создать такое законодательство, согласно которому любая предпринимательская деятельность, приносящая прибыль (за исключением разве что некоторых видов экспорта), требует либо нарушения закона, либо получения льгот со стороны представителей исполнительной власти. Таким образом, на нынешнем этапе общественных реформ частные предприниматели (как работодатели, так и занятые собственным делом, работающие на себя) находятся в такой зави-

симости от чиновников, которая не позволяет считать их социальным классом в традиционном понимании. Соответственно, именно это не позволяет считать классовую структуру украинского общества хотя бы отчасти похожей на социальную структуру западноевропейского капиталистического общества.

Это обстоятельство становится еще более отчетливым, если рассматривать такой уникальный по своей сути итог преобразований в области социальных отношений, как возникновение так называемых однонаправленных (semi-conducting) отношений собственности. Подобные социально-экономические отношения начали формироваться еще во время перестройки, но процесс стал набирать силу только после августа 1991 г., после ликвидации коммунистического режима и утраты влияния бывших советских профсоюзов. Поскольку в это время практически все средства производства находились в собственности государства, власть (а она в условиях господства частной собственности принадлежит владельцам средств производства) в этих новых условиях перешла к директорам предприятий, председателям колхозов, чиновникам высшего звена в министерствах и правительственных органах. Будучи свободными от контроля со стороны коммунистической партии и профсоюзов, новоиспеченные руководители производственных предприятий оказались в уникальной ситуации, открывшейся с началом приватизации. При этом у них имелась возможность, с одной стороны, скрыть реальную прибыль государственных компаний (позднее — акционерных обществ) и превратить их в капитал частных фондов. С другой стороны, убытки компаний во избежание банкротства могли быть списаны или покрыты из бюджетных средств.

Управляющий ресурсами такого рода, которые принадлежат другим (в отсутствие общественного контроля), в отличие от собственника в чистом виде, для которого и прибыль, и убытки являются его собственными, действует как "полусобственник", или "собственник наполовину", будучи чем-то вроде "полупроводника" в рыночном механизме: *движение денег осуществляется только в одном направлении — на его счет*. Понятно, что, в противоположность предпринимателям-капиталистам, такие "полусобственники" являют собой не конструктивную, а деструктивную силу как в экономике, так и в демократических процессах.

Вот почему развитие *частного предприятия в полном смысле этого слова*, отвечающего за материальный результат своей деятельности своими же *собственными ресурсами*, и, соответственно, его владельцы, т.е. "настоящие" собственники, являются важнейшей предпосылкой процветающего и демократического общества. Однако в настоящее время формирование частной собственности противоречит основным интересам тех социальных классов, которые являются господствующими в существующей системе социальных отношений и в данной институциональной структуре. Сегодня формирование частной собственности в чистом виде противоречит основным интересам "полусобственников" и чиновников, осуществляющих контроль за экономической деятельностью. В этой макросоциологической перспективе ликвидация вышеупомянутых классовых позиций посредством создания законодательной базы для финансовой и кадровой независимости законодательной власти от чиновников *является*, с одной стороны, предпосылкой для стабильного развития нашего общества. С другой стороны, необходимо развивать основные институты гражданского общества, такие, как политические партии, независимые СМИ, эффективно функционирующие профсоюзы и бизнес-ассоциации. Эти процессы протекают медленно, имеют противоречивый характер, подчас обращаются вспять. Такой деформированный ха-

рактр новой институциональной макроструктуры оказал драматическое влияние на трансформацию системы стратификации нашего общества.

Изменения в макроструктуре стратификации. Макроструктура стратификации в целом представляет собой отражение социального неравенства (в плане благосостояния, доходов, власти, образования и престижа), которое остро воспринимается большинством населения прежде всего как дифференциация уровня благосостояния и доходов разных слоев общества. За период независимости самые ощутимые изменения в системе дифференциации произошли в той области, которую социологи называют "демонстративным потреблением" (дорогие автомобили, квартиры, одежда, драгоценности, особые виды досуга). Это вызвано, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, в бывшем "социалистическом" обществе существовал своего рода запрет на "демонстративное благосостояние". Поэтому действительно богатые люди (в противоположность тому, что происходит сейчас) были вынуждены "переводить" большую часть своего богатства в недемонстративные формы (золото, драгоценности, твердую валюту и т.д.). Во-вторых, реформирование экономики директивного типа и начальная стадия формирования рыночных отношений и рыночных механизмов трудовой регуляции привели к существенному снижению валового продукта и, соответственно, к снижению доходов большинства населения. В силу этого даже самые скромные, по европейским меркам, проявления демонстративного благосостояния воспринимаются в нашем обществе как чрезмерно вызывающие.

В настоящее время невозможно, учитывая существование частного капитала, оценить реальную дифференциацию в сфере благосостояния. Нет надежных, достоверных статистических данных о размерах теневой экономики. Поэтому нельзя оценивать реальный уровень благосостояния посредством проведения опросов. Однако данные о распределении семейного дохода, полученные в результате исследований по репрезентативным выборкам, вполне могут быть использованы в качестве косвенных показателей дифференциации благосостояния. Но следует сделать несколько предварительных замечаний.

Первое замечание состоит в том, что, согласно достаточно надежным статистическим данным, даже в развитых странах с рыночной экономикой стратификация на основании благосостояния гораздо ощутимее, чем на основании доходов. Например, в США в середине 70-х годов самая высокодоходная квантиль семей, т.е. самые богатые 20%, владели 76% всей частной собственности, в то время как самая низкодоходная квантиль семей, т.е. самые бедные 20%, — лишь 0,2% всей собственности. В то же время доход самых богатых 20% составлял 41% общего дохода, а 20% людей с самым низким доходом имели всего 5% от общего дохода*. Таким образом, максимальная квантильная стратификация на основании дохода может быть представлена как соотношение 41 к 5, а стратификация на основании благосостояния характеризуется соотношением 76 к 0,2. Это означает, что доход самой высокодоходной квантили был в 8,2 раза выше, чем доход самой низкодоходной квантили, в то время как соотношение между соответствующими квантилями по уровню благосостояния составляло 380.

Другое замечание касается различий между реальным и декларируемым доходами (тот доход, который респондент называет интервьюеру во время опроса). Если оценивать дифференциацию в доходах по характеру по-

требления семей (данные получены в результате того же опроса, что и данные относительно доходов), то обнаруживается, что в этом случае стратификация выражена гораздо меньше, чем если брать в качестве основания декларируемый доход. Таким образом, в соответствии с данными опроса, проведенного нашим институтом в 1996 г., максимальная квантильная стратификация на основании декларируемого дохода семьи определяется соотношением 52,4 к 3,1%. В то же время стратификация на основании реального потребления семьи может быть представлена как соотношение 43,8 к 6,9%^{1*}.

В соответствии с декларируемым доходом отношение самой высокодоходной к самой низкодоходной квантили определялось цифрой 16,9, в то время как в соответствии с реальным потреблением это отношение равнялось 6,3. Это означает, что максимальная квантильная стратификация на основании реального дохода, оцененного по данным о характере потребления, в 1996 г. была в 2,7 раз ниже, чем стратификация на основании декларируемого дохода. Схожий показатель (только немного ниже) соотношения максимальной квантильной стратификации на основании реального уровня потребления и на основании декларируемого дохода наблюдался за год до этого — летом 1995 г.^{2*}.

Таким образом, данные о доходах, декларируемые респондентами в ходе опроса, дают несколько завышенную оценку дифференциации на основании реального дохода и, что более вероятно, заниженную оценку дифференциации на основании благосостояния. Мы используем полученные данные, только чтобы оценить *изменения* в стратификации по доходным критериям и их динамику.

Данные, полученные нашим институтом с декабря 1991 г. по апрель 2001 г., свидетельствуют о том, что за этот период макросоциальная стратификация по критерию доходов постоянно усиливалась вплоть до 1998 г., когда она достигла своего предельного значения. Так, в декабре 1991 г. 20% семей с самым низким доходом имели всего 5,5% от общего дохода всех украинских семей. В то же время 20% семей с самым высоким доходом получали 44,2% от общего дохода, а "верхушка", представленная 5% семей, — 17,1% от общего дохода всех семей^{3*}.

Эти данные 1991 г. практически совпадали с показателями дифференциации доходов (но, естественно, не по абсолютным значениям) семей в США в 1985 г. В США за тот же период 20% самых низкодоходных семей имели 5% от общего дохода американских семей, а 20% самых высокодоходных семей владели 44% общего дохода, и из них "верхушка", включавшая 5% семей, владела 17% общего дохода^{4*}.

^{1*} Данные в пересчете взяты из: Incomes and Expenditures of Ukrainian Households: Summer 1996 (Panel Survey) / Ed. VPaniotto, OPopova, V.Khmelko. К.: КИИС, 1997. Р. 18 (Tables 3.1.2 and 3.1.4). В опросе были задействованы 2317 домохозяйств, что составляет 77% репрезентативной выборки по всем домохозяйствам Украины в целом. Интервью проводились с 24 июля по 11 августа 1996 г. Опрос был проведен при поддержке Всемирного банка.

^{2*} В 1995 г. максимальная квантильная стратификация на основании потребления была в 1,6 раза ниже, чем соответствующая стратификация по декларируемому доходу (8,2 против 13,3). Данные взяты из: Incomes and Expenditures of Ukrainian Households: Summer 1995 (Sampling Survey) / Ed. VPaniotto, N.Kharchenko. К.: КИИС, 1996. Р. 19-20 (Tables 3.1.1 and 3.1.3). В опросе было задействовано 2024 домохозяйства, что составляет 84% репрезентативной выборки по всем домохозяйствам Украины в целом. Интервью проводились с 8 июня по 16 июля 1995 г. Опрос был проведен при поддержке Всемирного банка.

^{3*} Расчеты сделаны на основании данных, взятых из архива КМИС. В опросе приняли участие 1021 человек, репрезентативная выборка по взрослому населению Украины (18 лет и старше). Исследование проводилось совместно с USAID (использовалась методология USAID).

^{4*} Расчеты сделаны на основании: Olsen M.E. Op. cit. P. 383.

* Данные в пересчете взяты из: Olsen M.E. Societal Dynamics: Exploring Macrosociology // Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1991. P. 381-383.

Изменения в квантильной стратификации на основании дохода семей

Параметры	Доля от общего дохода семей (в %)							
	Декабрь 1991 г.	Май 1994 г.	Июль 1996 г.	Сентябрь 1998 г.	Октябрь 1998 г.	Сентябрь 1999 г.	Октябрь 2000 г.	Апрель 2001 г.
Первая квантиль (самая низкодоходная)	5,5	5,3	3,8	2,3	1,8	4,0	4,7	5,0
Вторая квантиль	10,8	10,5	9,5	8,7	8,2	9,5	10,1	11,0
Третья квантиль	16,1	15,0	14,2	15,0	15,0	14,7	14,6	16,2
Четвертая квантиль	23,4	21,2	20,6	21,9	23,2	22,4	23,5	23,9
Пятая квантиль (самая высокодоходная]	44,2	48,0	51,8	52,1	51,8	49,4	47,1	43,9
Объем выборки (человек)	1021	2044	2317	1120	2614	1167	2924	1046
Соотношение между самой высокодоходной и самой низкодоходной квантилями	8,0	9,1	13,6	22,7	28,8	12,4	10,0	8,8

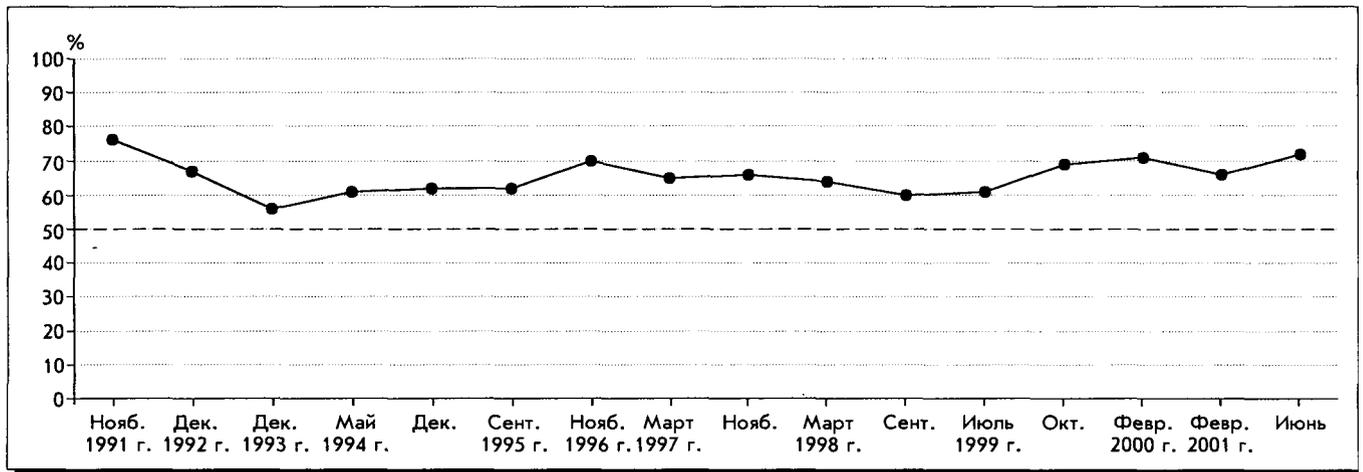

Рис. 1. Сторонники независимости Украины (в % от общего числа опрошенных)

Согласно данным опросов, проведенных в сентябре и октябре* 1998 г., 20% семей с самым низким доходом обладали только 2,3 и 1,8% общего дохода семей, а доход самых высокодоходных семей был равен 52% от общего дохода всех семей. Другими словами, доход самой высокодоходной квантили был выше дохода самой бедной квантили приблизительно в 22 раза в сентябре и в 29 раз в октябре 1998 г. Эти показатели макросоциальной стратификации в 1998 г. были даже больше, чем аналогичные показатели в США в период Великой депрессии 1930 г., когда самая высокодоходная пятая часть населения получила в целом доход приблизительно в 18-20 раз выше, чем пятая часть самых низкодоходных. Единственным показателем, по которому Украина отличается от США периода Великой депрессии, — это концентрация богатства в 5% самых богатых семей. В 1930 г. в руках этой категории американского населения было сосредоточено 30% всех доходов, в то время как на Украине в 1998 г. эта цифра составляла 21%**.

Только начиная со второй половины 1999 г. ситуация стала меняться в противоположную сторону: макросоциальная стратификация украинского населения существенно снизилась (табл. 1).

* Olsen M.E. Op. cit.

** В сентябре 1998 г. были опрошены 1120, в октябре — 2614 респондентов.

Изменение отношения к вопросу о независимости Украины. Было бы логичным предположить, что ухудшение условий жизни большинства населения Украины за период ее независимости должно было оказать негативное влияние на отношение значительной части населения к факту независимости Украины. По данным ряда опросов*, проведенных в течение последнего десятилетия КМИС, положительное отношение к факту независимости Украины, которое в 1991 г. выразило 76% взрослого населения**, в целом осталось таковым, и доля тех, кто положительно относится к независимости Украины, никогда не падала ниже критической отметки 50% (рис. 1).

Преобладание сторонников независимости среди населения Украины было *постоянным*: по данным наших оп-

* Диаграмма на рисунке 1 была построена на основании данных по результатам референдума, проведенного в ноябре 1991 г. (результаты лишь на 2% превысили данные опроса 2056 респондентов, проведенного КИМС в ноябре 1991 г.) и данных 15 опросов, проведенных КИМС в период с декабря 1992 г. по июнь 2001 г., репрезентативная выборка по всему взрослому населению Украины: в декабре 1992 г. опрошены 1227 респондентов; в декабре 1993 г. — 1886; в мае 1994 г. — 3009; в сентябре 1995 г. — 1528; в ноябре 1996 г. — 1466; в марте 1997 г. — 3482; в ноябре—декабре 1997 г. — 10 237; в конце февраля — начале марта 1998 г. — 2923; в сентябре 1998 г. — 5012; в июле 1999 г. — 2110; в октябре 1999 г. — 1769; в феврале 2000 г. — 1592 и в мае—июне 2001 г. — 2074 респондента.

** То есть 90% от 84% граждан, принявших участие в референдуме.

росов, в течение этих десяти лет сторонники суверенитета оставались в большинстве, хотя объем этого большинства несколько *менялся* — "большинство" не было величиной постоянной.

Такая волнообразная динамика в отношении к вопросу о независимости Украины наталкивает на размышления об объективных факторах, влияющих на ухудшение или улучшение отношения граждан к суверенитету своей страны. Рассматривая причины неустойчивости большинства, следует прежде всего проверить гипотезу о взаимозависимости между отношением респондентов к суверенитету и уровнем дохода соответствующих групп украинского населения. Однако полученные корреляции между временным рядом значений ответов, касающихся отношения к вопросу о независимости Украины, с одной стороны, и распределением дохода семей в разных квантилях — с другой, свидетельствуют об отсутствии статистически значимой зависимости между оценками независимости и доходом в любой квантили. Чуть более сильная зависимость наблюдалась, что можно было предположить с самого начала, между различием в доходах второй квантили, начиная снизу, и уровнем поддержки независимости. Однако даже в этом случае вероятность зависимости не превышала соответственно 0,89 и 0,88 (уровень значимости корреляции $p > 0,11$ и $0,12$ с коэффициентами корреляции 0,49 и 0,41).

В то же время анализ соответствующих данных, полученных за последнее десятилетие нашим институтом, показал, что в принципе можно выявить корреляции между временными рядами значений ответов относительно суверенитета Украины и значениями по ряду других переменных, полученными в тех же или других опросах, которые проводились приблизительно в то же время (в том же квартале соответствующего года). Согласно расчетам, положительное отношение к независимости Украины было весьма тесно связано с отсутствием неудовлетворенности состоянием дел в государстве. Показатель парной корреляции между этими переменными равен 0,92 (уровень значимости $p = 0,001$) и превышает коэффициенты корреляции между показателем поддержки независимости и всеми другими показателями, для которых эти коэффициенты были рассчитаны.

Вторым показателем, наиболее тесно связанным с положительной оценкой независимости Украины, было отсутствие неудовлетворенности респондентов своей жизнью. Соответствующий коэффициент корреляции весьма высокий (0,80) и статистически значимый (уровень значимости $p < 0,01$). Однако более тщательный статистический анализ показывает, что взаимозависимость между положительным отношением к независимости и удовлетворенностью жизнью была опосредована уровнем удовлетворенности состоянием дел в государстве в целом. Иными словами, зависимость между уровнем удовлетворенности

жизнью и отношением к суверенитету остается статистически значимой только при соответствующем изменении степени удовлетворенности состоянием дел в государстве. Если подобного изменения в показателях удовлетворенности не наблюдается (это можно смоделировать посредством статистической подгонки показателей соответствующей переменной), то обнаруживается, что отношение к независимости не имеет статистически значимой корреляции с уровнем удовлетворенности жизнью. Последний показатель находится в тесной прямой зависимости с показателем удовлетворенности состоянием дел в государстве (соответствующий коэффициент корреляции равен 0,91 при *уровне надежности (значимости)* $p = 0,001$), и только в этом плане существует взаимосвязь этого показателя с показателем отношения к факту независимости.

Вместе с тем изменения, которые произошли в течение последней декады в показателях удовлетворенности и неудовлетворенности респондентами жизнью в целом, выявили тесную связь с распределением показателей доходов 60% самых бедных семей, особенно второй квантили снизу. Коэффициент корреляции между этими переменными равен соответственно 0,71 (уровень значимости $p < 0,025$) и 0,75 (уровень значимости $p < 0,02$).

Обратить внимание на наличие подобной взаимосвязи важно, поскольку не существует статистически значимой корреляции между каким-либо из вышеперечисленных показателей неравенства в уровне дохода и уровнем удовлетворенности состоянием дел в государстве.

Приведенные выше данные дают основания сделать следующие заключения:

в течение первых десяти лет независимости показатели уровня поддержки суверенитета (приблизительно в 85% случаев) были напрямую связаны с показателями уровня удовлетворенности состоянием дел в государстве;

показатели степени удовлетворенности состоянием дел в государстве находились в непосредственной связи (в 83% случаев) с показателями уровня удовлетворенности респондентов жизнью в целом;

показатели степени удовлетворенности жизнью в значительной мере (около 51% случаев) были связаны с показателями дохода тех, кто принадлежал к бедному большинству, т.е. с показателями стратификации.

Таким образом, согласно представленным данным, показатели поддержки суверенитета в течение первого десятилетия только на треть (приблизительно в 35% случаев) могут быть объяснены изменениями в уровне доходов подавляющего большинства населения. Поэтому приходится признать, что задача поиска тех факторов, которые могли бы объяснить оставшиеся две трети случаев, остается нерешенной.

Перевод Е.Тверитневой

АВТОРЫ НОМЕРА:

Гудков Лев Дмитриевич (ВЦИОМ)

Левада Юрий Александрович (ВЦИОМ)

Перова Ирина Тимофеевна (ВЦИОМ)

Седов Леонид Александрович (ВЦИОМ)

Хмелько Валерий Евгеньевич (Национальный университет "Киево-Могилевская академия", Киев, Украина)